

ПРЕКРАСНАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. МИХОЭЛСА

Мы знаем Соломона Михайловича как выдающегося актера и режиссера, общественного деятеля и трибуна.

Но нам неизвестен или почти неизвестен С. Михоэлс как публицист. Он обладал глубоким литературным вкусом, часто выступал на литературных вечерах, наизусть знал стихи многих русских, украинских и еврейских поэтов. Полдня С. Михоэлс занимался общественными делами, имеющими прямое отношение к занимаемому им посту председателя Еврейского антифашистского комитета. Часть второй половины дня он уделял общественным театральным делам как член Комитета по Сталинским премиям и член правления ВТО. Вторую часть второй половины дня он отдавал Государственному Еврейскому театру, художе-

ственным руководителем которого он был с 1929-го до дня злодейского убийства 13 января 1948 года.

Возвращаясь поздно ночью домой, он проводил часа два за работой: читал пьесы, писал статьи, просматривал новые книги и журналы, составлял план следующего дня. Часто его бодрствование затягивалось до трех-четырёх часов утра. Зимой он неизменно ходил в шубе и с палкой в руке, с которой не расставался с тех пор, как приключилась беда с ним в Чикаго. Во время митинга, на котором он выступал, от невероятного скопления людей рухнула трибуна. Михоэлс сломал ногу.

Сначала драма — трагедия пришла потом...

Предлагаем читателю неопубликованную статью Михоэлса.

Меск. комсомолец - 1950, - 16 марта

СОЛОМОН МИХОЭЛС

РУКИ

(Статья «Стена» — ЦГАЛИ СССР, ф. 2581, оп. 1, хр. 131)

Зал не тот, к которому мы привыкли в столице. Без мраморных колонн, блестящих люстр, без блеска паркетного пола. Здесь дощатые стены, низкий потолок и мало света. Но красные полотнища огромными буквами и здесь кричат об опасности, грозящей Родине, о долге гражданина, ставшего бойцом во имя чести и достоинства своего народа. Это — зал бедного клуба в глубоком тылу, и он переполнен.

Лица молодые. Глаза — им еще предстоит впервые увидеть врага. До сих пор они знали только друзей, так как родились и выросли уже после Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Это случилось в дни Сталинградской обороны. Была зима 1942 года. Каждое утро сводка сообщала о том, что советские люди, храня в груди огонь священной ненависти к врагу, насмерть стоят на своих рубежах. Ни шагу назад! На том берегу Волги — нет для нас жизни и земли!

Я стоял перед аудиторией, которая завтра взводами, ротами и батальонами отправится на фронт. Куда бы ни бросила воля Верховного командования этих вооруженных людей — под Ленинград или под Воронеж, все равно — они станут участниками великой обороны города на Волге, участниками беспримерной битвы, которой суждено стать поворотным моментом в ходе мировой войны.

Стоять! Ни шагу назад!

Я произношу вступительное слово к концерту. Я знаю, чувствую, что слова недостаточны. Слово еще должно нести с собой и образ, который врезался бы в память, который запал бы в душу так, что его нельзя ни пером вычеркнуть, ни топором вырубить.

Среди речи, когда я говорил о не знаю-

щей компромиссов любви к Родине и о слабости, граничащей с трусостью, я вдруг остановился и при гробовом молчании и напряженном ожидании зала стал медленно поднимать руки кверху...

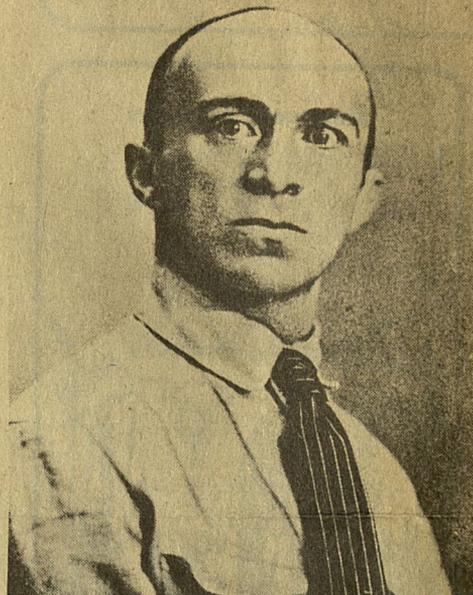
Когда руки мои были настолько выразительно подняты, что смысл этого жеста не мог вызвать сомнений, я обратился к аудитории со следующими словами:

— Почему вы не стреляете в меня? Ведь такой жест может сделать только предатель! Запомните, если вы там, на фронте, увидите людей с такими руками — стреляйте в них! Руки, потерявшие винтовку, бездейственно поднятые кверху, — это руки труса и изменника. Эти руки прокляла мать, которая родила их. Эти руки оскорбили святыню любви к жене. Эти руки недостойны того, чтобы они приласкали своих детей. А теперь, глядите — у меня в руке автомат (я делаю соответствующее боевое движение), а если не автомат, то винтовка, а если не винтовка, то граната, а если и ее нет, то есть пальцы, которые хватают врага за горло. Эти руки полны ненависти к врагу. Именно их благословила мать. Именно эти руки любит девушка. Этими руками гордится сын, когда он произносит: «Мой папа на фронте». Это руки победителя! Такие руки — я чувствую, я знаю — у вас. Они победят, ибо эти руки творят правое дело.

**

Мне говорили командиры, да я и сам это видел — бойцы долго тогда поглядывали на свои руки. А потом, уже недавно, по окончании войны, ко мне пришел человек. В военном. Грудь украшена орденами и медалями. На правой стороне — несколько золотистых и немного красных полосок.

— Не узнаете? — спросил человек. — А помните, товарищ Михоэлс, как вы о руках говорили? И хотя я потерял ногу,

С. Михоэлс.
1919 г.

но руками, вот этими руками, я вместе с моими боевыми друзьями добыл победу! Должен сказать, что ни одно сценическое создание не принесло мне такого громадного внутреннего удовлетворения, как встреча с этим воином.

У меня было свыше 500 выступлений перед бойцами. Я неустанно искал форму воздействия на души людей. Я пытался найти художественные, артистические средства, с максимальной точностью выражающие мою мысль и мои чувства.

И в этот раз, когда я говорил о руках, слово мое, выраженное в жесте, в пластике моего тела действительно передалось этому бойцу, и оно — слово мое — непосредственно участвовало в бою!

Мне кажется, что художник вправе увидеть в этом кусочек своего счастья.

1945—47 г.

Вступительная статья и публикация
Михаила ГОЛЬДЕНБЕРГА.